

18+

Анна Тугаринова

Правила осторожного движения

Анна Тугаринова

Правила осторожного движения

«Издательские решения»

Тугаринова А.

Правила осторожного движения / А. Тугаринова —
«Издательские решения»,

У хорошей девочки жизненный сценарий один: школа, институт, замужество, дети. Лиза так и хотела, но мужчина ушёл к бывшей прямо накануне нового года. Ребёнок, правда, имеется: чужой, подкинули на время. Может, с ней что-то не так? Почему её бросили? Будет ли новый шанс? И вообще, зачем ей мужчина? Чего только не случается с Лизой — и во внешнем мире, и во внутреннем. Она справляется — ну, а как иначе? За год многое в её жизнь меняется. Проживите этот год с Лизой. Вдруг вы тоже захотите перемен.

Содержание

ЧАСТЬ 1. Маршрут перестроен	6
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Правила осторожного движения

Анна Тугаринова

Иллюстратор Лилия Никитина

© Анна Тугаринова, 2026

© Лилия Никитина, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-5920-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1. Маршрут перестроен

—

Мягкий, чуть потёртый угол красного чемодана первым взглянул на Лизу, когда она вошла в квартиру. Чемодан высовывался из комнаты в коридор, словно хотел выехать, но в последний момент застеснялся. Это что, сюрприз? Неужели они куда-то поедут!? Точно поедут! Ведь для командировок у Васи другой чемодан — тёмно-синий, пластиковый. Да и какая командировка, новый год на носу. А куда? Наверняка не в Турцию, они там каждое лето бывают. Тогда — куда?

Быстро, нетерпеливо Лиза одной рукой разматывала шарф, другой расстёгивала молнию пуховика. Новый год не дома, она об этом столько мечтала! И как удачно: она только что из парикмахерской, со свежей причёской поедет. И платье уже куплено! Лиза мгновенно улетела мыслью на блестящий праздничный банкет и закружилась в танце, как Золушка из старого советского мультфильма, а потом плюхнулась на скамеечку для обувания и, всё такая же возбуждённая, от всей души дёрнула за шнурок ботинка. Шнурок такого неуважительного обращения не стерпел и запутался.

И тут же Вася выступил из комнаты, сделал шаг к Лизе, наткнулся на чемодан, тихо чертыхнулся и остановился перед ним, словно перед барьером, который сходу не взять. Потоптался, промышчал что-то, не глядя на Лизу, отодвинул чемодан и вышел-таки в коридор. Встал перед ней.

— Вася, куда мы..., — начала Лиза, не отрываясь от возни со шнурком, но Вася заговорил одновременно с ней.

— Лиза... В общем... Я ухожу.

Лиза оставила в покое шнурок, выпрямилась, подняла голову и посмотрела на него.

— В смысле?

— Мы с Ириной решили снова попробовать. Я тогда от неё ушёл, ничего толком не обдумав, злой был, резкий. А всё-таки столько лет вместе, и Ульяна... Ей нужен постоянный отец, а не по праздникам. У нас с тобой всё здорово начиналось, но потом... Думаю, ты страдать особо не будешь.

Лиза смотрела на Васю в упор и молчала. Каждое слово в отдельности звучало знакомо, но в цельное сообщение слова не складывались, и понимание не возникало.

— В общем, квартиру я оплатил до конца марта, дальше сама смотри, — продолжил Вася, глядя куда-то в угол. — Свои ключи оставляю там... В прихожей, на полке. Желаю тебе найти своего человека.

Лиза слышала перестук колёсиков чемодана, три чётких металлических щелчка от поворота ключа в замке, тихий скрип открываемой входной двери и, через несколько секунд, всасывающий звук, с которым дверь захлопнулась. Но всё это словно происходило в кино или в соседней комнате, а не в её, Лизиной, жизни.

Пару часов назад в парикмахерской, пока мастер сушила и укладывала её волосы, Лиза чувствовала себя героиней: решилась! Решилась изменить причёску, короткую стрижку сделать! А значит, и жизнь следом изменится. «Срежем весь негатив, который за год накопился», — сказала мастер, и Лиза покивала. Ведь это, пожалуй, правда. И не год он копится, а дольше. Многое представлялось Лизе по-другому, чем сложилось в реальности. Она улыбну-

лась мастеру, глядя в зеркало, и ещё раз улыбнулась, встав с кресла и увидев, какие длинные пряди устилают пол. Да, да, обязательно что-то произойдёт! Что-то прекрасное.

И вот у неё новая стрижка и новый статус. Хотела изменений? Пожалуйста! Срезала негатив? А то! Ну, и что дальше?

—

А ведь познакомившись с Васей, Лиза впервые решила, что дождалась своего мужчину.

Вечер пятницы, только начался декабрь. Москва, украшенная к празднику, вся свети-лась, переливалась и мерцала. После работы Лиза встретилась с институтской подругой; они ели тирамису и пили капучино в «Шоколаднице», гуляли по центру, восхищаясь праздничной иллюминацией. Лизе казалось, что она попала в сказку или, как минимум, в собственное дет-ство, — так легко, радостно было. А Вася в тот вечер заблудился в метро — он уже лет десять ездил только на машине — и попросил её подсказать дорогу. Обменялись телефонами, и на следующий день он позвонил. Через неделю они пошли в кино и весь сеанс перешёптывались, не глядя на экран. Ещё через неделю на всю субботу отправились с коньками в сад Эрмитаж, но больше болтали и пили глинтвейн на лавочке, чем катались. И уже перед новым годом сняли квартиру и поселились вместе.

Бодрый, улыбчивый, всегда в хорошем настроении, Вася как будто расшевелил её. Они много гуляли и обсуждали всё на свете. Вася часто ездил в командировки, и как бы рано он ни уезжал, Лиза вставала и готовила ему завтрак. Вася называл её лисой и солнышком, а её блюда — ресторанной кухней.

Мать Лизы приняла Васю с радостью и облегчением, а отец, казалось, растерялся. Перед новым годом, когда Лиза и Вася уже нарядили ёлку, он приехал посмотреть, как устроилась дочь. Он не понимал, что за нужда начинать жить вместе так скоро, но ни Лизе, ни жене ничего не сказал. Он считал Лизу самостоятельной с тех пор, как она получила водительские права. А раз так, то что говорить?

Александр очень хотел разобраться, что такого есть в этом парне с простецким именем, почему за ним пошла его дочь. Почему не шла ни за кем другим, а тут вдруг... Но он гораздо лучше знал устройство двигателя внутреннего сгорания, чем человеческой души, и понять ничего не смог. Встреча получилась неловкой, толкались на кухне, хотелось курить, но дочь не разрешила, и он послушал — это же её дом, пусть и временный. Лиза попыталась усадить их пить чай, но оба нервничали, вскакивали со стульев, в общем, никакого разговора не вышло. Александр уехал, смутно недовольный собой, но в памяти унёс дочкин смех — негромкий, но очень лёгкий. Дома она давно так не смеялась.

Первый год с Васей Лиза смеялась часто и искренне. Вася рассказывал ей один за другим забавные случаи из командировок, вспоминал любимые шутки и анекдоты, расспрашивал о её жизни. Всю весну они исследовали московские парки, наблюдая за цветением деревьев. В июле поехали на две недели в Турцию. Первое Лизино путешествие, впервые на море! Лизе всё очень понравилось — отель с большой территорией, экскурсии, еда, природа, море; она загорела и почти научилась плавать. Осень в тот год стояла солнечная и тёплая, в конце сентября ещё можно было ходить в балетках, и они снова много гуляли. В декабре нарядили ёлку, встречать новый год с ними пришла Васина дочь Ульяна, которой тогда было 8 лет.

Пожалуй, только Ульяна и смущала Лизу, когда она думала о будущем. Она не ожидала, что её мужчина окажется отцом, разведённым, навсегда связанным с другой женщиной. Но за год Лиза привыкла и к Ульяне, которая периодически появлялась у них, и к тому, что Вася иногда разговаривал с бывшей женой по телефону и даже встречался с ней. Лиза решила, что это им не мешает.

И стала ждать предложения руки и сердца.

Но предложения не последовало. Ничего вообще не поменялось, второй год они прожили точно так же, как первый, даже в отпуск поехали в те же сроки и в тот же самый отель. А на новый год Ирина снова привезла к ним Ульяну.

С Васей было уютно, тепло, спокойно. Он был благодарен за всё, что делала Лиза, будь то вкусный ужин, вовремя поглаженная рубашка, первая утренняя улыбка. Он говорил, что она красивая, что у неё очень женственная фигура. Когда они смотрели дома кино, он аккуратно держал её ладонь в своих или утыкался носом ей за ухо и перебирал рукой волосы на шее. Лиза тогда казалась себе пушистой кошкой, которую нежно гладят, и почти мурчала.

Но в каждом фильме, который они смотрели, была любовная линия, красивая и драматичная. И когда в конце герой и героиня целовались, Лизе хотелось плакать. Ей казалось, что она уже прошла испытательный срок, и пора бы Васе подписать с ней бессрочный контракт. В такие моменты она отстранялась, сжималась, но на его вопрос «что случилось» отвечала «ничего».

Ожидание росло, заполняло Лизу изнутри и однажды вырвалось. Это случилось вскоре после нового года, когда их отношения пошли на третий год. Вася отвёз Ульяну к матери, вернулся, и Лиза, неожиданно для самой себя, спросила:

— Почему ты на мне не женишься?

Вася развернулся к Лизе, сунул руки в карманы брюк. Легонько качнулся вперёд, назад. Снова вперёд. Словно хотел подойти к ней, но не мог пробиться сквозь густоту напряжения, заполнившего комнату.

Вздыхнул, словно отпуская что-то.

— А что тебе так не живётся? Денег хватает. Я не пью. Не курю даже! Не обижаю тебя. Не изменяю. Все выходные вместе, отпуск вместе. Хочешь кольцо носить? Пойдём купим.

Лиза не отвечала. Вот, не сдержалась, выпустила из себя этот вопрос и что получила? Некрасивую сцену, в которой она должна объяснять, почему хочет замуж. А что тут объяснять, это же естественный финал отношений! Только Васю разозлила. Лишь бы не поссориться! Она смотрела в окно, не решаясь перевести взгляд на Васю и услышать ещё что-нибудь неприятное.

Вася снова качнулся вперёд и назад.

— Я уже был женат. Я тебе рассказывал: у нас с Ириной был общий бизнес. Мы не справились, и я попал в больницу.

Вася говорил тихо, тембр его голоса стал ниже. Это не было похоже на ссору, и Лиза чуть повернула голову и взглянула на него. Он стоял, по-прежнему держа руки в карманах, ссутулившись, глаза сузились, вдоль всего лба, ровно посередине, протянулась тонкая морщина.

Лиза знала, что у Васи с Ириной был общий бизнес, который схлопнулся, после чего они расстались. Но Вася никогда раньше не рассказывал ей, что в этом бизнесе взял на себя слишком много задач, в которых плохо разбирался. Что он не разделял амбиции Ирины, но не хотел разочаровывать её. Что в итоге он оказался в больнице с инфарктом, и Ирина звонила его матери и торопила приехать из деревни под Нижним — боялась, что та не успеет проститься с единственным сыном.

Вася выкарабкался и вернулся домой, к Ирине и Ульяне, но когда Ирина буквально на следующий день заговорила о своей новой бизнес-идее, он собрал вещи и подал на развод. Квартира, которую они купили, пока бизнес не загнулся, осталась Ирине с дочкой, Вася снял дешёвую однушку и полгода не работал, восстанавливая здоровье и пытаясь осознать себя заново и вернуться к жизни. А поскольку все его сбережения ушли на спасение бизнеса, то эти полгода они с мамой перебивались её пенсией и небольшой суммой, которую раз в месяц переводила ему Ирина, получая зарплату — ей пришлось наняться в компанию по первому подходящему объявлению.

Через полгода Вася почувствовал себя окрепшим физически и морально и начал искать место в сфере технической безопасности объектов, в которой хорошо разбирался. Через неделю он уже вышел на работу, получил аванс, купил матери билет на поезд и начал жить с начала. Он до сих пор трудился в той компании, которая тогда его приняла.

Вася договорил, расправил плечи и выпрямился. Морщина на лбу разгладилась. Он смотрел на Лизу, но та по-прежнему молчала, не зная, что сказать. Тогда Вася ещё раз качнулся вперёд, назад, снова вперёд, вытащил руки из карманов и вышел из комнаты.

Откровенный разговор не сблизил их. Да и разговора не получилось, Лиза так и не нашла, что ответить — ни тогда, ни после. Хотя Вася и говорил, что сам виноват во всём, и Ирина не заставляла его ввязываться в непосильное дело, всё же в его рассказе Лизе чудилась обида на бывшую жену и казалось, что Вася сравнивает её с Ириной. Неужели он и её считает такой же бессердечной, бесчувственной? Это предположение пугало и обижало Лизу, но вслух она его ни разу не высказала.

Шнурок наконец поддался, Лиза сняла ботинки и прошла в спальню. Села на край кровати. Сидела, уставившись в стену, молча и неподвижно, словно её обесточили. Потом опрокинулась на бок, подобрала ноги к груди. Потом села в центре кровати, скрестив ноги. Как она должна реагировать? Что делать? Она слезла с кровати и пошла на кухню. Налила воду из крана в фильтр. Подождала. Налила воду из фильтра в чайник, нажала на кнопку. Вытряхнула в мусорное ведро испитую заварку. Подождала. Обдала заварочный чайник кипятком. Насыпала свежий чай. Заварила.

Кажется, она не злится на Васю? Вот и хорошо. Незачем злиться. Но всё же... Как же так? Он её бросил? Да. Но ведь настоящих женщин не бросают! И что теперь делать? Новый год ещё этот...

Лиза налила в чашку заварку, затем кипяток, села за стол и, обняв руками горячую чашку, задумалась. Весь последний год они отдалялись друг от друга. Давно не было не только секса, но и совместных прогулок, объятий за просмотром фильма, долгих разговоров, и последний отпуск в неизменном турецком отеле они провели как соседи, случайно оказавшиеся рядом. Да, он её бросил. Но не разбил её сердце, она вон даже не плачет. Да и о чём плакать? Лиза изменила причёску и верила, как многие поколения женщин до неё, что это приведёт и к другим изменениям. Разве она не думала о расставании? Уж точно она не думала, что окажется брошенной накануне нового года.

Лиза облокотилась на спинку стула, вытянула ноги; кончики больших пальцев упёрлись во что-то твёрдое. Лиза приподняла длинную скатерть, заглянула под стол и обнаружила там второй Васин чемодан. Тёмно-синий, для командировок.

—

Если вы встречались или, больше того, жили с мужчиной продолжительное время, то расставание с ним предусматривает несколько пунктов обязательной программы. Один из них — сообщить новость друзьям и родным. Лиза без сомнений пренебрегла этим пунктом: зачем перед праздником огорчать родителей и ставить счастливых подруг в неловкое положение. На самом же деле ей невыносимо было думать о расспросах и причитаниях матери и о том, что никто из подруг не пригласит её присоединиться.

А они не пригласят, это точно! У Машки недавно вторая дочка родилась, Танечка с Андреем едут знакомиться с его родителями в деревню под Нижним Новгородом, ну, а Вера никогда не празднует новый год в Москве, любит экзотические страны.

Праздновать одной не хотелось, ведь как встретишь новый год, так и проведёшь!

Ситуация разрешилась сама собой. Вечером 29 декабря Лиза открыла дверь на звонок, ожидая увидеть продавцов картошки или мастеров, тянущих интернет-кабель, и в женщине на пороге узнала Ирину, бывшую жену Васи, которую пару раз видела.

— Лиза, добрый вечер! Извините, я не предупредила, но у меня нет вашего телефона, — заговорила Ирина. — Я ищу Василия.

— В смысле? — Лиза растерялась.

— Я ищу Василия, — повторила Ирина.

— Я думала, он с вами.

— Что за странная идея. Зачем бы я тогда приехала?

— Не знаю. Он мне сказал, что вы решили попробовать снова.

— Попробовать... Что? — Ирина подалась вперёд, её брови поползли вверх, под густую длинную чёлку.

Несколько секунд женщины молча смотрели друг на друга. Ирина очнулась первая.

— Позвольте мне войти? Похоже, нам есть что обсудить.

Лиза посторонилась и показала Ирине в сторону кухни. Не разуваясь и не снимая тонких кожаных перчаток, Ирина прошла на кухню, выдвинула стул из-под стола и села, не заботясь о том, что полы её длинного распахнутого пальто подметают линолеум.

— Так вы не знаете, где Василий? — вернулась Ирина к тому, за чем пришла.

— Нет.

— Вчера он заезжал к дочери, пока меня не было дома. А сегодня его телефон недоступен.

— Надеюсь, с ним всё в порядке.

— Я тоже надеюсь. Но я не могу ждать, когда он объявится.

Ирина молчала и смотрела, кажется, не на стоящую перед ней Лизу, а в вечернюю темноту за окном. После паузы она заговорила:

— Лиза, я не стала бы вас беспокоить, но есть одна проблема: Василий обещал забрать дочь на праздники.

Васина дочь, Ульяна, два года подряд проводила новогодние праздники с ними, и Лиза ничего не имела против. Но Васи теперь нет, так что... А Ирина продолжала:

— Я познакомилась с совершенно потрясающим мужчиной и еду с ним на горнолыжный курорт. Я не могу взять Ульяну с собой. Может быть, она проживёт с вами несколько дней?

— С какой стати? — более интеллигентного ответа Лиза подобрать не успела.

— Возможно, вы не захотите праздновать в одиночестве. Как я понимаю, вы только что расстались с мужчиной, и никаких планов у вас нет, — голос Ирины, густой, как карамель, обволакивал. — А у меня новый мужчина, необыкновенный! Я хочу, чтобы эта поездка прошла идеально. Я не могу ехать с Ульяной и не могу оставить её одну: ей всего десять лет. Поймите меня, как женщина женщину.

Да что тут понимать: ей предлагают посидеть с чужим ребёнком. Ладно, не совсем чужим.

— Я вообще-то с детьми не умею...

— Правда? Когда вы успели разучиться? Ульяна говорила, что вы с ней отлично ладите.

— Ну, может... Но я ничего особенного не делаю.

— И не надо ничего особенного делать. Ульяна очень самостоятельная стала, — продолжила Ирина лить карамель. — Сама себе завтрак готовит. Всегда находит, чем заняться. И потом, это всего четыре-пять дней. Или меньше, если Василий найдётся раньше, чем я вернусь.

Может, за заботами об Ульяне у неё получится не думать о том, что случилось? Или думать, но хоть не каждую минуту?

Ирина ушла, а Лиза, походив туда-сюда по квартире, решила позвонить Васе — убедиться, что он действительно недоступен, а если доступен, спросить, как так вышло, что сидеть с Ульяной на праздниках досталось ей. Она уже взяла телефон в руки, но представила, как Вася получит оповещение о звонках, увидит её номер... Что он подумает? Что она бежит за ним, хочет вернуть его, что же ещё! Ну уж нет. Он её оставил, пусть. Она и шагу в его сторону не делает.

Так Лиза обрела компанию на новый год. Таковую, о которой и не мечтала.

—

До знакомства с Васей Лиза десять лет ждала своего мужчину. Ведь с его появлением и начнётся настоящая жизнь!

Она не сидела у окна и не вздыхала, где её суженый. Вела себя, как большинство молодых женщин: работала, встречалась с подругами, время от времени бывала на выставках и в театрах, на днях рождения и свадьбах. Читала романы и детективы, осваивала новые рецепты, пробовала вышивать крестиком, рисовать, лепить из глины. Искала свой стиль в одежде, меняла цвет волос, а иногда и длину, подумывала, но так и не решилась сделать татуировку. Сидела на диету и прыгивала с неё. Ходила в бассейн и в тренажёрный зал. Лечила зубы и пила витамины.

Её мать, видя, что Лиза не только не выходит замуж, но даже ни с кем не встречается, подозревала: дочь что-то не так делает. Но разве это проверишь? Оставалось только чаще и строже напоминать ей, что настоящая женщина должна быть замужем. Никак иначе.

Лиза мечтала, чтобы эти разговоры прекратились. С матерью не спорила; отшучивалась, отмалчивалась, старалась всегда хорошо выглядеть, не выходить из дома ненакрашенной или небрежно одетой, появляться там, где можно с кем-нибудь познакомиться.

А внутри страдала и переживала, что с ней не всё в порядке.

Впервые Лиза влюбилась с седьмом классе: в одноклассника, который занимался в шахматном кружке и не обращал внимания на девочек; да и на мальчиков не обращал, в его фокусе внимания умещалась только шахматная доска. Она рассказала матери — сбивчиво, восторженно, ожидая, что та и объяснит ей эти новые ощущения, и подскажет, что делать. Но мать почему-то рассердилась, ничего не объяснила и велела дочери сосредоточиться на учёбе: рано, мол, думать о мальчиках. Лиза устыдилась, но мечтала о том однокласснике ещё два года, пока он не перешёл в математическую школу.

На первом курсе института она влюбилась в одногруппника, который завалил весеннюю сессию и отправился в армию. Она ждала его, писала ему письма (изредка от него приходили ответы) и болталась в постоянных сомнениях, может ли она считать себя его девушкой, если он ничего не пишет ей о чувствах. Через два года он вернулся из армии, восстановился в институте, и Лиза узнала об этом, столкнувшись с ним на крыльце главного здания. Он сухо поздоровался, а дальше просто перестал замечать её. Мать она в эту историю не посвятила, предпочитая плакать в метро по дороге из института домой, уставившись в надпись «Не прислоняться» на двери.

Начав работать, Лиза увлеклась начальником — женатым мужчиной, который с удовольствием с ней заигрывал, но когда она открылась ему, поскуцнел лицом и назидательно объяснил ей, почему не стоит заводить роман на работе. И этот эпизод ей тоже пришлось пережить самой.

Впрочем, до Васи Лиза кое с кем встречалась. Мужчины её замечали, она откликалась на их внимание, но никому не могла ответить взаимностью. Не заставишь же себя полюбить кого-то. Особенно когда этот кто-то всё делает не так.

Обычно её хватало на неделю-другую, иногда на месяц, потом она мечтала, чтобы мужчина исчез. Отказывать напрямую, объясняться — нет, это невыносимо, этого она избегала и начинала скрываться: не отвечала на звонки и сообщения, впадая в тоску и стыд. Представляла, как её будут уговаривать, и она сдастся, согласится на отношения, от которых нет радости. Или что её спросят, зачем она согласилась, а она не найдёт, что ответить. Ей казалось, она

способна убить мужчину сообщением, что он ей не нравится. Женщина должна сглаживать углы, гасить конфликты, заботиться о том, чтобы всем было хорошо. Но как это сделать, если хочешь отказать, расстаться? Когда мужчина, наконец, оставлял её в покое, Лиза чувствовала огромное облегчение. Теперь можно было снова ждать или влюбляться.

До встречи с Васей этот сценарий повторился множество раз.

—

Ирина привезла дочь ровно в 5.30 утра, как и обещала. Приобняла на прощанье мягкий бесформенный кулёк с сонным лицом посередине и вполголоса наказала: «Веди себя достойно». Ульяна продудела что-то, а Лиза выпрямилась, одёрнула футболку, подавила зевотку и попыталась пошире раскрыть глаза.

— Напишите мне через Ульяну свой телефон или номер карты, я переведу вам деньги. — Деловой тон Ирины вспарывал мягкую тишину прихожей. — Купите всё, что сочтёте нужным, к новому году. Устройте себе праздник.

Ответ Ирину, похоже, не интересовал. Она договорила до точки, развернулась к выходу и удалилась. Дверь квартиры аккомпанировала её привычным всасывающим звуком.

Ульяна вяло освобождалась из своего одёжного кулька, разматывала шарф, длинный, как декабрьская ночь. Оставь её здесь, и девочка заснёт прямо в прихожей, съедет по стенке на пол, так и не раздевшись. Лиза поймала взгляд Ульяны:

— Я там тебе постелила... В большой комнате. Только разденься, хорошо? И поспим ещё.

Ульяна угукнула и задвигалась чуть быстрее. Лиза пару раз переступила с ноги на ногу и отправилась к себе. Ведь способен же ребёнок десяти лет сам раздеться, разуться и подготовиться ко сну? Наверняка. Даже ребёнок, оставшийся без праздника, на который рассчитывал.

Проснувшись, Лиза прислушалась. Ничего. Открыла глаза, села. По полу коридора змеился длинный шарф, заглядывая осторожно в её комнату. Поднять? Или это не её дело? Ребёнок-то не её. Но одежда не должна валяться на полу!

Лиза вышла в коридор, ещё не зная, как поступит, и увидела: Ульяна сидит в постели, словно в гнезде, обложившись подушкой и одеялом, и водит пальцем по экрану планшета. Глубокий капюшон тёмно-красной толстовки надвинут на глаза, из него видна длинная расчёпанная коса и ничего, что мешало бы ей расплестись.

Лиза хотела спросить, не замёрзла ли девочка — иначе зачем она так укуталась, — но Ульяна задала свой вопрос первая:

— А почему ты не нарядила ёлку? — спросила она.

Главный символ нового года стоял в углу без мишуры и игрушек и выглядел так, словно его застали не одетым в публичном месте.

Не до ёлки мне было, хотела ответить Лиза. Но передумала. Она совершенно забыла о ёлке, не замечала её, как будто между ними сама собой выстроилась полупрозрачная стена.

«Зачем Вася принёс ёлку, если собирался меня оставить?» — она попыталась не дать этой мысли сформироваться, и у неё почти получилось.

Этот новый год был бы у них с Васей четвёртым, и каждый раз Вася приносил живую ёлку — кажется, не только для дочери, которую забирал на праздники, но и для себя. Лиза, наоборот, привыкла к искусственной, но согласилась на живую — из любопытства. Эту квартиру они сняли за неделю до праздника. На следующий день Вася принёс ёлку и вытащил Лизу в жуткий мороз в торговый центр по соседству — выбирать игрушки. Предоплата и залог за квартиру, подарки родным и друзьям, красная икра и сладкое шампанское — денег после этого у них осталось с гулькин нос, поэтому купили всё самое дешёвое: пластиковые шары, диодную гирлянду, наконечник в форме проросшей луковицы. Лизе нравились тонкие, изящные игрушки ручной работы, но одна такая стоила как все их тогдашние покупки. Да и сколько нужно тех изящных игрушек, чтобы украсить всю ёлку! В следующем году Лиза купила ещё один набор шаров — не очень дорогих, но стеклянных. Ну, а в этом...

После завтрака Лиза принесла из кладовки две коробки игрушек, и они с Ульяной принялись колдовать над ёлкой. Первым делом накрутили гирлянду, проверили — горит! Стали вешать шары.

Лиза исподтишка наблюдала за Ульяной. Они не виделись с прошлого новогодья, за это время Ульяна ощутимо выросла. Остальное не очень-то удавалось разглядеть. Ульяна болталась внутри огромного тёмно-красного спортивного костюма из толстого трикотажа, рукава спускались до колен, а в капюшон она при некоторой сноровке поместилась бы целиком. Светло-русые с рыжими проблесками волосы тоже стали длиннее, пряди пушились и то и дело цеплялись за ветки ёлки, и за каждым повешенным шариком следовало возвращение волос на место — под капюшон.

Ульяна вешала игрушки, не спеша, подолгу стояла с каждым шариком в руке, глядя ёлке в солнечное сплетение, потом аккуратно раздвигала нитяную петлю пальцами обеих рук и насаживала её на ветку. За это время Лиза успевала две-три игрушки повесить.

Ульянина медленность, размеренность походила на медитацию, и Лиза, следуя за девичьим взглядом, вдруг вспомнила свою детскую ёлку. Высокую, почти до потолка, и узкую — совсем не такую, какие продаются сейчас. Собрать и нарядить её у Лизы и родителей занимало целый день. Для маленькой Лизы это было главное событие нового года. Сначала собирали ствол, вставляли его в крестовину и всовывали ветки в отверстия. Крестовину укрывали-заматывали белой тканью и посыпали ватой. Потом привязывали ёлку верёвкой к толстому гвоздю, вбитому в стену специально для этого случая: ёлка всегда стояла именно в этом углу именно этой комнаты. Потом раскладывали на полу и распутывали гирлянду: синие, зелёные, жёлтые и красные пластмассовые шарики; проверяли, включая в розетку. Иногда приходилось заменить какую-нибудь лампочку; отец приносил коробку из-под обуви, в которой каких только лампочек не было, ковырялся в ней и обязательно находил нужную. Вешали гирлянду. И вот, наконец, можно вешать игрушки! Лиза это обожала. Игрушек было много; самые старые жили в большом эмалированном ведре, переложенные ватой, игрушки и шары поновее — в своих родных коробках. Лиза старалась использовать все-все, каждой игрушке, каждому шарiku, даже не очень красивому, найти место. Это ей удавалось. Только требовалось соблюдать определённый порядок: в самый низ вешали бумажные флажки, оставшиеся с детства Лизиной мамы, а птицу с ярко-красной грудкой на прищепке цепляли на одну из самых коротких верхних веток. Под ёлку ставили ватного деда Мороза в розовой шубе. Наверное, изначально она была

красной, подумала вдруг Лиза. Бывало, одну-две игрушки разбивали. Лиза огорчалась, но не до слёз: её любимые игрушки всегда выживали.

— А какие у тебя были любимые игрушки? Есть фотографии?

Лиза вздрогнула. Кажется, она думала вслух.

— Фотографии? Вряд ли.

— А где все те игрушки?

— Дома у родителей.

— Жаль, что нет фотографий. Я бы посмотрела на твою ёлку. У тебя что, не было смартфона?

Лиза рассмеялась — впервые за несколько дней.

— Ульяна, что ты говоришь! Тогда не было никаких смартфонов.

— Как это — не было?

— Их ещё не изобрели.

— Дааа?

Когда они пристроили последний шарик, которому никак не находилось места, и включили гирлянду, за окном уже начало темнеть. Они сидели на полу среди коробок и некоторое время молча разглядывали ёлку.

Потом Ульяна спросила:

— А хочешь посмотреть на нашу ёлку?

— Конечно, — проявила вежливость Лиза.

Ульяна покопалась в планшете и повернула экран к Лизе. Ёлка на фото была украшена в духе последних трендов: всего несколько цветов — белый, розовый, серебристый и фуксия, все шары одного размера, а ещё банты и цветы, и больше ничего.

— Красиво! — воскликнула Лиза.

— Да? А по-моему, скучно. У нас лучше получилось. А эту ёлку не мы наряжали, мама её у дизайнера заказала, уже наряженной.

Позже, проходя мимо кресла, в котором с планшетом устроилась Ульяна, Лиза бросила взгляд на её экран и увидела поисковый запрос в Яндексе: «когда появились смартфоны».

—

Последний день года Лиза всегда начинала с инспекции холодильника: всё ли закуплено для праздничного стола. Если чего-нибудь недоставало, она тут же, ещё до завтрака снаряжала Васю в магазин с исчерпывающим списком. Они с удовольствием играли в это: сначала делали вид, что без каперсов, свежей рукколы и бородинского хлеба новогодний стол невозможен, потом Вася возвращался с покупками, подробно рассказывал, где и что ему удалось найти, и Лиза благодарила и хвалила его — чуть преувеличивая и его заслуги, и сам повод.

Но в то утро Лиза лежала в кровати, вытянувшись и замерев под одеялом, и вместо холодильника инспектировала своё положение.

Лет — тридцать пять.

Муж — ни одного.
Дети — ни одного.

Ребёнок, впрочем, есть — чужой, и так сложилось, что именно с этим ребёнком она встретит новый год. Не с любимым мужчиной, не с родителями, не с подругами — ведь им нужно сначала сказать, что она больше не с Васей. Что её самые долгие отношения только что закончились, да как! Её бросили. Она снова одна. Как же это жалко звучит. Может, просто жить так, словно ничего не случилось? Что в таких случаях делают настоящие женщины? Или настоящих женщин не бросают?

Лиза привыкла смягчать формулировки и использовать слова, лишённые острых углов, обкатанные до гладкости, как морские камушки. «Мы с Васей расстались». Ну вот, почти нейтральная фраза, сказать её будет не так стыдно, как «он меня бросил» или «он ушёл от меня». Но эти слова предназначались другим — родителям, подругам, коллегам. А с собой что делать? Она-то знает, что на самом деле случилось.

Тут из кухни раздался звук, с которым разбивается что-то стеклянное или керамическое. Ульяна! Вот ещё на её голову, зачем она вообще согласилась? Лиза резко села на кровати, опустила ноги на пол и, не надевая тапочек,PROTOПАЛА на кухню.

— Не заходи! — Ульяна резко вытянула руку в её сторону. Пол был усыпан мукой и мелкими осколками. Похоже, Ульяна поставила тонкий стакан с мукой мимо стола. «Сама себе завтрак готовит», — вспомнила Лиза слова Ирины.

И что теперь с ней делать? Ругать за разбитый стакан? За то, что взяла без спроса посуду и продукты? Утешать — мол, посуда на счастье бьётся? Может, похвалить за то, что решила накормить их завтраком? Ааааа!

— Что ты делаешь? — произнесла наконец Лиза.

— Блины. У тебя есть варенье или сметана?

— А что, ты их не нашла? С мукой, вижу, проблем не возникло.

— Я ещё не искала, — Ульяна пропустила мимо Лизин сарказм.

— А ты не находишь, что сначала пригодилась бы тряпка? — Лиза всё больше раздражалась.

— Нет. Лучше пылесосом.

— Что?

— Пылесосом. А то руки можно порезать осколками.

Лиза развернулась, сделала два шага и рванула на себя дверь кладовки, схватила ведро и тряпку, метнулась в ванную, вывернула до конца и горячий, и холодный краны, и, еле дождавшись, когда ведро наполнится на две трети, понесла, его, разбрызгивая воду, на кухню. Плюхнула ведро на пол, расплескав ещё часть воды, подняла голову и прорычала, глядя на Ульяну:

— Стой там!

Ульяна молча присела на край стула, откуда-то достала планшет и углубилась в него. А Лиза намочила тряпку, присела на корточки и начала собирать муку и стёкла. Она очень старалась не порезаться и сделать всё аккуратно, но получалось медленно, а на линолеуме оставались разводы от муки и царапины от осколков. Надо было действительно взять пылесос или хотя бы веник с совком; всё это стояло в той же кладовке, но что ж теперь, признать, что десятилетняя девочка оказалась умнее?

Наконец она всё собрала и понесла ведро в ванную.

Ярость утихла. Да из-за чего она так взвилась? Из-за беспорядка? Но о блинах даже пословица говорит: «Затеяла баба блины — все ворота в муке». Из-за того, что девчонка взяла без спросу её вещи, похозяйничала на её кухне? Но и кухня — не её, и квартира временная. Женщине следует быть мягкой, сглаживать конфликты! А не создавать.

Ишь. Блины ей.

Тонкие, упругие, поджаристые, с миллионом дырочек — такие блины Лиза обожала. И они всегда у неё такими получались. Ладно, ладно, не всегда. Как настоящий исследователь, она то и дело экспериментировала: вместо пшеничной муки высшего сорта брала цельнозерновую или вовсе кукурузную, добавляла больше или меньше яиц, обычную воду заменяла минералкой, всыпала то ложку какао, то горстку мака. Рамки изначального рецепта раздвинулись так далеко, что пропали из виду. «Зельеваренье какое-то. Колдовство», — шутил Вася, наблюдая за процессом.

Дальше, по его же словам, начиналась эквилибристика. Наливать тесто половником на сковородку и вертеть сковородкой так, чтобы оно не расплзлось бесформенным пятном, а превращалось в аккуратный круглый блин, — когда-то это искусство никак не давалось Лизе. Но с тех пор она испекла уже миллион блинов, и теперь её мастерство порой удивляло её саму. Лиза пекла блины на двух сковородках сразу, чтобы получалось быстрее. Прочти она где-нибудь о состоянии потока, моментально опознала бы его.

Пока Лиза жила с Васей, блинный поток подхватывал её каждое воскресное утро.

«В следующий раз количество вдвое уменьшу, но чтобы пропорции сохранились», — подумала Лиза, размазывая по золотистому ажурному блину апельсиновый конфитюр. Сметана тоже нашлась. Лиза покосилась на Ульяну, всю перемазанную и аж похрюкивающую от удовольствия, и пододвинула к ней салфетницу. Смешная!

С сожалением уступив последний блин Ульяне — ребёнок всё-таки, Лиза встала, открыла холодильник и оглядела полки. Пару дней продержаться можно, но не в новый год. И если они хотят приготовить что-то особенное, праздничное, нужно прямо сейчас идти по магазинам. Тем более, от Ирины деньги пришли. Можно сделать оливье — когда ещё, если не в этот день? Паштет из печени трески. Слоёный мясной салат. Запечь в духовке индюшачьи ноги или подходящий кусочек говядины. Икру, может? Нормальный торт сейчас уже не купить, но конфеты наверняка найдутся. И не стоит так уж экономить, а то Ирина ведь может и спросить, как они потратили её деньги. Лиза тыкала пальцем в экран телефона, собирая список продуктов в заметках, — такое привычное занятие, они с Васей не только 31 декабря так начинали; так было каждое воскресенье: блины, список продуктов, магазины. Это первое воскресенье, когда... В общем, без Васи. Как странно. Непривычно.

Следующие несколько часов прошли в приятной суете: толкотня и суета магазинов, где удалось найти не всё намеченное, быстрый пересмотр меню и готовка. Ульяна топталась на кухне, но Лиза доверяла ей только мыть посуду. Девочка не спорила.

— Мама разрешает тебе встречать новый год со взрослыми? — спросила Лиза между делом.

- Обещала в этом году разрешить.
- А до которого часа, не говорила?
- Неа.

И не проверишь, подумала Лиза. А раз на эту тему никаких особых указаний ей не дали, то гнать девочку в постель она не будет. Пусть сидит, сколько хочет.

— Что ты наденешь на новый год?

— В смысле? — Ульяна оторвалась от миски, со стенок которой столовой ложкой соскребала оливье, и воззрилась на Лизу.

— У тебя есть что-то нарядное?

— С собой? Нет. Зачем? К нам что, гости придут?

— Причём тут гости? Мы же женщины! А женщина должна всегда хорошо выглядеть.

Сказала и тут же пожалела. Ульяна — не её дочь, незачем её воспитывать. И вообще, о чём тут говорить, в праздник — особенный стол, нарядная одежда. Это же ясно! Ульяна, впрочем, не ответила ничего, словно и не слышала, и Лиза выдохнула.

Но когда Лиза вышла к столу в длинном блестящем платье, девочка вытаращила глаза:

— Я думала, ты шутишь!

— Такими вещами? Нет.

Что её так удивляет? Ирина, мать Ульяны, всегда — по крайней мере, те два-три раза, что они виделись, — прекрасно выглядела. Неужели она не прививает это дочери? Видимо, нет: Ульяна уселась за новогодний стол в том же огромном тёмно-красном спортивном костюме, в котором ходила всё время. И вдруг Лиза поняла, кого напоминает ей Ульяна в этом мешковатом, неженственном наряде: куклу Катю.

Эту куклу родители подарили Лизе на новый год. Большая, размером с настоящего младенца, она и сделана была так же: толстенькие ручки и ножки, бесформенное тело, короткие кудри. И красный трикотажный костюм с рейтузами. Лицо было красивое, но детское. Достав куклу из коробки, Лиза расплакалась. В 5 лет она ещё не умела изображать радость от любого подарка и рыдала искренне, даже не пытаясь сдержаться.

Первой опомнилась мама и стала объяснять Лизе, что это не мальчик, а девочка; почему-то она подумала, что рейтузы на кукле запутали её несмышлёную дочку. Лиза приняла эту версию, успокоилась. Но так и не смогла полюбить Катю и никогда с ней не играла.

И вот сейчас, 30 лет спустя, глядя, как Ульяна, подтянув слишком длинные рукава толстовки, неловко пытается достать из общей тарелки слоёный салат, не разрушив слои, она поняла, почему отвергла бедную Катю. Ей нравились куклы-женщины: тонкие, стройные, в красивых платьях. А не куклы-младенцы в рейтузах. Она и себя видела такой куклой — куклой-женщиной. И платье это блестящее купила, потому что... ну, как можно новый год встречать в старом? Или в домашнем? Да, не очень-то удобно в нём, аккуратно двигаться надо, чтобы не испортить. И пайетки эти колючие... Ничего страшного. Как говорила героиня одного советского фильма: «Вы ж женщина, потерпите».

По поводу загадывания желаний под бой курантов разногласий не возникло.

— Что ты загадала? — Лиза спросила просто так, не рассчитывая, что её гостя расскажет.

— Ты что, нельзя говорить! — Ульяна опять вытаращила глаза. — Не сбудется!

—

— Лиза, у нас снежные заносы! Мы не можем отсюда вырваться и неизвестно, когда сможем.

Лиза никогда не ездила в горы, не каталась на горных лыжах и не планировала, так что словосочетание «снежные заносы», с которого Ирина начала телефонный разговор, не вызвало у неё никаких ассоциаций. Но именно это случилось с Ириной и её потрясающим новым мужчиной — сначала просто шёл снег, потом он усилился, сошла лавина, и дороги закрыли; нельзя было ни кататься, ни уехать из горного района. Время шло, и снег шёл, и оставалось только ждать, когда погода изменится. Ну, и в баре сидеть.

Ирина просила Лизу оставить у себя Ульяну ещё на несколько дней. Нет, пожалуй, и не просила, а ставила Лизу в известность, что заберёт дочь позже обещанного. Лиза даже не поверила сначала. Ирина её, наверное, разыгрывает. Или обманывает, просто хочет подольше задержаться, покайфовать со своим новым возлюбленным. Но новости подтвердили: лавина действительно сошла, есть пострадавшие, и снег по-прежнему идёт.

Странное начало года. У неё на шее чужой десятилетний ребёнок, и сколько это продлится — неизвестно. На мгновение Лиза вскипела: почему она должна соглашаться? Не по её вине погода изменилась. Но гнев быстро иссяк, она подумала, что ребёнку некуда деваться, а у неё нет никаких планов. Так зачем злиться?

Лиза приготовилась утешать гостью и предлагать ей разные развлечения. Что может заинтересовать девочку её возраста? Каток? Поход в какой-нибудь интересный музей? Новый полнометражный мультик? Может, она будет рада слепить снеговика в парке неподалёку? Но Ульяна устроилась в кресле с планшетом, надвинув капюшон на самые глаза, и Лиза не решилась озвучить свои предложения.

И вроде у неё отлегло от сердца: она не представляла, как утешала бы Ульяну, если бы та вздумала плакать, капризничать и чего-то требовать. Одновременно ей было очень жалко Ульяну и хотелось как-то сгладить эту ситуацию, развеселить девочку. Но у Лизы не было никакого опыта с детьми. Она попыталась вспомнить себя в этом возрасте: что принесло бы радость ей самой? Но вспомнилось совсем не это.

— Ну, беги!

После этой фразы бежала обычно мама. Разворачивалась и бежала туда, откуда они только что пришли. А Лиза шла, как могла быстро, в сторону детского сада. Торопиться было незачем, всё равно железные решётчатые ворота ещё закрыты. Но было страшно. Раннее зимнее утро, темно, безлюдно. Оказаться бы скорее у решётки садика. Мама Лизы работала рядом с домом. Удобно, но мест в саду поблизости не нашлось, только в «Петушке», в другом районе. Вот и приходилось в садик почти бежать. Ну, как может бежать зимой пятилетний ребёнок, укутанный в несколько слоёв тёплых вещей? Мама злилась — не хотела опаздывать, Лиза не хотела сердить маму, но что можно было сделать? Быстрее собираться дома? Попробуйте быст-

рее собираться, когда темно, холодно, и колготки такие колючие. Иногда Лизу водила в сад бабушка. Она никуда не торопилась, разговаривала с ней по дороге, спрашивала, когда забрать — пораньше или попозже. Иногда — дедушка, зимой он даже возил её на санках! Редко-редко водил и отец — такое случалось только во время его отпуска. Но иногда никто, кроме мамы, не мог. Мама переводила её через дорогу, и дальше Лиза шла одна. Маме, видимо, казалось, что тут идти всего минуту или две. Пожалуй, так оно и было — по меркам взрослых. А ведь нужно было ещё дождаться, когда Елена Анатольевна откроет ворота. Обычно именно она, воспитательница другой группы, вместе с сыном Антоном, приходила первой. Так и вышло, что Лиза подружилась с Антоном. Интересно, как он теперь?

Почему в последнее время так часто вспоминается детство? Из-за Ульяны? А ведь она сейчас в таком же положении, как когда-то Лиза: её перевели через дорогу и велели дальше идти самой. И почему вспоминается только грустное?

Следующим утром Лиза проснулась от того, что Ульяна сидела на краю её кровати и тихонько звала. Убедившись, что Лиза открыла глаза и смотрит на неё, Ульяна пробормотала:

— Лиза, прости, я забыла тебе сказать. Мы сегодня едем на фабрику ёлочных игрушек. На экскурсию. А я не знаю, как отсюда до школы добраться. Отвезёшь меня?

— Куда? — Лиза медленно въезжала в реальность.

— В школу. Мы там собираемся.

— Во сколько?

— В одиннадцать.

— А сейчас сколько?

— Девять.

— А школа твоя где?

Перед Лизой ожили рассказы коллег и знакомых о том, как их дети перед сном вспоминают, что нужно завтра принести в сад поделку или написать доклад к открытому уроку в школе. Так вот как это бывает! Но они ведь только вчера узнали о снежных заносах, и что мать пока не может забрать Ульяну. Что ж...

— Поедем на метро, должны успеть, — сказала Лиза, пока они обувались в прихожей.

— Давай лучше на машине.

— У меня нет машины.

— На папиной.

Лиза выпрямилась и посмотрела на Ульяну сверху.

— И где ж мы её возьмём?

— Там, где обычно, — Ульяна говорила так просто и буднично, словно и вся ситуация, в которой они оказались, не была какой-то особенной.

— Неужели? Может, и папа твой там, где обычно?

Не слова, а липкий комоч чувств вырвался наружу. Гнев, горечь, растерянность и что-то ещё; Лиза не могла отделить их друг от друга и в себе удержать не успела.

Ульяна запрокинула голову, её щёки зарозовели. Глядя на Лизу в упор, она ответила:

— Я не знаю, где папа.

Ох, они на грани чего-то неприятного — ссоры, слёз, эмоций, которые не получится сдержать. Почему эта девочка всё время её провоцирует? Срочно переключиться, сменить направление!

— Ульяна, всё, не говори глупостей. Пойдём, а то опоздаем, — сказала Лиза и аккуратно, но настойчиво развернула девочку к входной двери.

До школы добрались вовремя, одноклассники Ульяны как раз садились в автобус. Молодая, тощая, как палка, учительница едва ответила на приветствие Ульяны и сразу же повернулась к Лизе:

— Вы тётя Ульяны, да? Елизавета?.. Пожалуйста, поедemте с нами! У меня двадцать детей, и никто из родителей не пришёл, хотя обещали трое! Они уже взрослые детки, с ними не бывает проблем, но для страховки. А, что скажете? Поедете? Или у вас другие планы?

Другие планы? Лиза открыла рот, собираясь возмутиться, съязвить что-нибудь, но зачем-то уставилась на правую руку учительницы, в которой та держала список детей, не нашла на ней обручального кольца, кивнула, буркнула «Ладно, поеду с вами» и прошла в автобус.

Ульяна уже сидела рядом с другой девочкой, они весело щебетали между собой и с двумя другими, которые постоянно к ним поворачивались. И это та же Ульяна, которая по полдня проводила в кресле с планшетом, не показываясь из своего огромного капюшона? Лиза не понимала, нравится ей это или нет. Да и почему у неё вообще должно быть своё мнение на этот счёт? Это не её дочь, а посторонний ребёнок. Она и пока жила с Васей, ею не очень интересовалась, а теперь и подавно незачем.

На полдороге в Клин, где располагался завод ёлочных игрушек, Лиза отвела взгляд от подмосковных пейзажей и попыталась разобраться, что имела в виду Ульяна, предлагая ехать в школу на машине Васи. Шутила? Хотела позлить Лизу? А может, она и правда что-то знает? Что значит, что машина «там, где обычно»? Потом Лиза вспомнила, что у неё на кухне под столом стоит Васин чемодан для командировок. Она нашла его сразу, в тот вечер, когда всё случилось, когда он ушёл, и больше о нём не вспоминала. Если он оставил свой чемодан, то мог и машину оставить, тогда «обычное место» — это стоянка перед торговым центром напротив дома, где Лиза живёт. Может, и ключи где-то есть? В чемодане, например. Но что всё это значит? Почему он ушёл, не забрав свои вещи, неужели собирался вернуться? И где он, в конце концов?

Она достала телефон с намерением позвонить Васе и наконец-то во всём разобраться, но на неё снова, как и в первый раз, напали сомнения: что он подумает? Что я за ним бегаю? Ну уж нет!

Экскурсия оказалась очень интересной. Показывали весь цикл производства игрушек, и это завораживало — как из ничего появляется что-то, и это что-то — такое тонкое, изящное, хрупкое! Дети, которые сначала галдели, перекрикивая друг друга, притихли, тоже очарованные. Лизе почти не пришлось помогать учительнице с детьми, разве что выяснить, где туалет — одна из девочек уже не могла терпеть, да другой помочь надеть бахилы.

За экскурсией следовал мастер-класс: расписывали стеклянный шарик. Детей посадили на лавки за длинный стол, в центре которого стояли образцы — шарики с несложным цветочным рисунком. Художница, одна на всех, быстрее подходила к тем, кто её громче звал. Лиза

видела, что её «племянница» упорно тянет руку, но художница никак до неё не добирается. Пару раз она даже кивала ей: «Да-да, сейчас подойду к тебе». Но каждый раз отвлекалась на кого-то другого.

Лиза знала, как это — чувствовать себя невидимкой. Ей часто не хватало внимания учителей, экскурсоводов, ведущих, которые почему-то всегда реагировали на тех, кто громче кричал и выше подпрыгивал.

— Прошу прощения, вы не могли бы..., — обратилась она к художнице, стараясь перекричать детский гвалт.

Но тут Ульяна выронила свой шарик, и он разбился. Ульяна ахнула, вскочила, застыла на миг с распахнутыми на максимум глазами, потом закрыла лицо руками, перемазанными в краске, громко зарыдала и рухнула обратно на лавку.

Все звуки тут же стихли. Учительница и художница мгновенно оказались рядом с Ульяной. Художница достала новый шарик, а учительница — влажную салфетку и сама вытерла девочке руки и лицо. Женщины ласково и утешительно щебетали над Ульяной и не отходили до тех пор, пока та не перестала всхлипывать. Потом художница села с ней рядом и не торопясь объяснила всё заново. Ульяна начала расписывать шарик, а художница следила за всеми её движениями, комментировала их чрезвычайно мягко и доброжелательно и иногда забирала у неё шарик и сама прорисовывала сложные места. Ульянин шарик получился очень нежным и самым аккуратным.

Наблюдая за этой сценой, Лиза не сразу сообразила, что прикрывает ладонью открытый рот. Неужели никто не заметил? Да Ульяна ведь специально разбила свой шарик! Лиза ещё не решила, осуждает она девочку или оправдывает, как в мозг ввинтилась новая мысль: а стакан с мукой?.. Его Ульяна тоже разбила специально?

Дома, дождавшись, пока Ульяна выберет для своего шарика место на ёлке, повесит его, полюбуется и сфотографирует, Лиза произнесла то, о чём думала всю обратную дорогу:

— Ульяна, а ты... Первый шарик специально разбила?

Ульяна замерла, потом медленно повернулась к Лизе и посмотрела ей прямо в лицо:

— Да.

— Зачем?

Дурацкий вопрос, и ответ она знала, но не ожидала такой искренности, не справилась с ней, не придумала, что ещё сказать.

— А иначе ко мне бы никогда не подошли. Ты же видела! — Ульяна продолжала смотреть в лицо Лизе.

— Понимаешь... Да, я видела, что к тебе очень долго не подходили. Но то, что ты сделала... Это ведь манипуляция. Это нечестно.

— Манипуляция? Я просто хотела свой расписанный шарик. Почему это нечестно?

— Это неправильно. Так нельзя!

— А как можно?

— Нужно было дождаться, когда к тебе подойдут. Позвать ещё раз. Все должны быть в равных условиях.

— Ты не понимаешь! Их не перекричать! Так всегда бывает! — голос Ульяны стал громче, звонче.

— И ты всегда разбиваешь что-нибудь вместо того, чтобы просто попросить?

Зачем я всё это говорю? Это не мой ребёнок, не моё дело его воспитывать. Теперь Лиза не понимала, как свернуть этот разговор, и он катился дальше по инерции.

— А ты всегда просто просишь? — парировала Ульяна.

— Конечно!

Конечно нет. Не прошу и не подсказываю. Жду, когда все сами догадаются, что мне нужно, особенно близкие люди. Один раз спросила твоего отца, почему он на мне не женится, и вот результат: я снова одинокая женщина и встречаю новый год с тобой.

Вслух же Лиза сказала, готовая к признанию:

— А тогда, со стаканом? Его ты тоже специально разбила?

Ульяна опять замерла — буквально на полсекунды, — и воскликнула:

— Нет, ты что!

И дальше, уже спокойнее:

— Стакан не я. Он сам упал.

Лиза вздохнула.

— Знаешь, я так устала. Пойду спать. Спокойной ночи.

Через несколько минут, проходя мимо кресла, в котором всё ещё сидела Ульяна, Лиза бросила взгляд на экран её планшета и увидела поисковый запрос в Яндексе: «Манипуляция — это...».

—

Следующим утром Ульяна пожарила на завтрак гренки, ничего не разбив и почти не испачкавшись; этому способствовала футболка, надетая вместо привычной Лизиному глазу толстовки, а также резинка для волос и две заколки-краба. Рукава футболки доходили Ульяне всего до локтя, резинка и крабы удерживали волосы от попадания на лицо, и глядя, как Ульяна силиконовой лопаточкой переворачивает куски хлеба на сковородке, Лиза снова усомнилась в том, что стакан с мукой разбился добровольно. Но говорить ничего не стала — ни о стакане, ни о том, что гренки слегка подгорели.

После завтрака Ульяна с гордостью сообщила, что приглашена в гости к однокласснице, и родители той заедут через час. Отпускать Ульяну или нет? Приедут какие-то люди; как убедиться, что это те самые родители? Знает ли их Ульяна? В Лизиной голове закружились вопросы. Что делать-то? Лиза и её одноклассницы в возрасте Ульяны ходили друг к другу в гости, не спрашивая родителей — те работали и могли даже ничего не узнать. А как сейчас поступают в таких случаях?

Вопросы в Лизиной голове пошли на третий круг, а вслух она всё ещё ничего не сказала. Тем временем Ульяна позвонила матери по видеосвязи и изложила ситуацию, назвав одноклассницу и её родителей по именам. Ирина легко согласилась и, обращаясь к Лизе, которую Ульяна привлекла к разговору, сказала:

— Пусть едет. Ивановы — приличные люди и всегда сами забирают Ульяну и привозят обратно. Не беспокойтесь. К тому же, Лиза, у вас появляется свободный день! — при этих словах голос Ирины стал карамельно-сладким.

Через час в дверь позвонили — за Ульяной поднялась Иванова-мать, улыбочивая женщина в облаке светлых кудрей и спортивном костюме тёплого жёлтого цвета.

— Вы Елизавета? А я Ольга, — женщина протянула Лизе руку с маникюром, точь-в-точь таким же жёлтым. Привет! — Она ласково обняла девочку, наклонившись к ней, и Ульяна обняла её в ответ. Ольга поднялась и повернулась к Лизе. — Похищаю у вас Ульяну! Знаю, вы будете скучать, но мы тоже её хотим!

— Ты готова? Катя на кухне закрылась, колдует, мне не говорит, что задумала, представляешь? — это уже Ульяне, не переставая улыбаться. — Катя — моя дочь, — это опять Лизе. — Мы привезём Ульяну к восьми.

Ольга походила на пульсирующий солнечный шарик. Словно подзарядившись от неё, Ульяна тоже засветилась, её улыбка стала шире, лицо расслабилось, смягчилось. Лиза и себя поймала на том, что улыбается. Даже в прихожей, кажется, стало светлее.

— Может быть, зайдёте на чашку чая? — неожиданно для себя предложила Лиза. Ей не хотелось отпускать солнечную Ольгу.

— Благодарю! Муж внизу, в машине, не хочу, чтобы он скучал! Я-то не вожу, приходится ему меня всё время катать. Поехали? — она снова повернулась к Ульяне.

Ульяна посмотрела на Лизу, сделала шаг к ней, потом словно передумала, смутилась, пробормотала «Пока!» и вышла следом за Ольгой. Дверь закрылась, послышался знакомый всасывающий звук. С лестничной площадки ещё несколько секунд доносились голоса Ольги и Ульяны.

В отрочестве, в период увлечения гороскопами, Лиза часто задумывалась и о том, влияет ли имя на характер человека. Если бы её спросили об этом сейчас, она бы точно сказала: не влияет. Мягкая, уютная, расслабленная и одновременно энергичная Ольга ничем не напоминала мать Лизы, тоже Ольгу — строгую, холодноватую, угловатую, словно вставленную в рамку, за которую никогда не выходила. Что до отца, Лизе просто очень нравилось его имя — Александр, и собственное имя-отчество: Елизавета Александровна. Благородно. Как-то даже величественно. Правда, Лизу никто по имени-отчеству не называл. А, нет, однажды назвали: в офисе Госуслуг, когда она подавала документы на загранпаспорт. Они с Васей собирались тогда в Турцию ехать. Да что ж такое, и тут Вася.

В квартире сделалось очень тихо. Впервые за несколько дней Лиза осталась одна. Прошла в одну комнату, в другую (отметила, что Ульяна застелила диван, на котором спала), посидела в кресле, глядя на ёлку. Помыла посуду. Чем заняться-то?

И вспомнила вчерашнее предложение Ульяны поехать на Васиной машине. Неужели это правда? Неужели машина на стоянке, а ключи — это главное — в чемодане? Проверить? Поискать ключи, а потом и машину? Но ведь это чужие вещи!

Чужие, чужие. Теперь чужие.

А сколько раз она аккуратно складывала только что поглаженные рубашки в этот чемодан! Рубашки редко пригождались Васе в командировках, он занимался технической частью, а презентовать, договариваться — для этого в компании трудились менеджеры. Но раз в год и палка стреляет, вот и на объектах всякое случалось, и Васю иногда просили объяснить, как работает система, или обучить сотрудников, и приглашали в зал заседаний или в кабинет генерального директора. Вася считал себя обязанным выглядеть соответствующе.

Вася, Вася.

Ключи действительно лежали в чемодане. Расстегнув молнию и откинув верх, Лиза сразу же увидела на стопке вещей и ключи, и документы на машину. Лиза взяла то и другое, оделась и отправилась к стоянке у торгового центра.

Водить машину Лиза вообще-то не собиралась. Её вполне устраивала роль пассажира.

Её отец всю жизнь работал водителем в разных организациях, в молодости даже фуры водил и гонял на скорой. В семье всегда была машина; Лиза помнила и белую «шаху», и «пятнашку», которую отец презрительно называл погремушкой, и его любимый «сарай» Фольксваген Пассат, пригнанный из Германии с пробегом 50 тысяч и прослуживший дольше всех.

Лиза обожала совместные поездки с отцом. Ещё не было никаких детских кресел, и она занимала пассажирское место рядом с ним. Ей нравилось куда-нибудь ехать и смотреть в окно. К тому же это была чуть ли не единственная возможность поболтать с отцом. Правда, болтали в основном о машинах — вечном отцовском увлечении. Лиза приспособилась.

А со временем начала различать марки машин — сначала по эмблемам-«шилдикам», потом и по форме кузова, по задним фонарям. Отец любил сравнивать машины между собой и рассказывал ей бесчисленные истории из своего водительского опыта. Когда назревала покупка новой машины, Лиза ездила вместе с ним смотреть варианты, а однажды отец даже взял её в гараж, собираясь что-то в машине отремонтировать. Лиза мало чем могла помочь, но ей нравилось присутствовать при этом действе. Больше такое не повторялось: мать сделала отцу выговор, сказала, что это не женское дело.

В восемнадцать Лиза отправилась в автошколу, казавшуюся логичным продолжением всех этих поездок с отцом. Особых надежд не подавала. Зубрила дорожные знаки, решала задачки. В инструкторы ей достался пожилой весёлый мужичок, который хвалил её за каждое правильное действие. Его «шестёрка» напоминала первую отцовскую машину. Отец по выходным вывозил её на пустырь, и там она отрабатывала пройденное. Не такой щедрый на похвалу, как её инструктор, отец, тем не менее, не кричал на неё, даже если она делала что-то неправильно. Сдала на права не с первого раза, но сама, и отец гордился ею — пожалуй, впервые в жизни. Лиза случайно услышала, как на ворчание матери, что девочке водить машину не обязательно, отец возразил: права — это первое, чего Лиза в жизни добилась, первый её успех.

Лиза тогда всерьёз задумалась, справедливо ли это отцовское мнение. Разве она совсем уж впустую прожила восемнадцать лет? Да вот хотя бы: она на бюджетное отделение в институт поступила! Но ни поступлению, ни диплому, когда пришло время его написать и защитить, её отец так не радовался. Словно она каждый год по диплому приносила. Сказал только: «Поздравляю». И уже за праздничным столом, за чаем сообщил, что у него есть сюрприз для Лизы.

Сюрпризом оказалась работа: отец договорился, что дочь возьмут в автосалон, который занял территорию бывшего таксопарка. У отца обнаружили знакомые. Так что Лизе не пришлось даже задуматься о поиске работы. Она радовалась: отец о ней позаботился. Ведь выпускникам ВУЗов на первую работу устроиться трудно, и никто от них не ждёт, что они её сами, без помощи, найдут.

Было у неё в активе ещё одно достижение — победа в школьном конкурсе чтецов в десятом классе. Но отец не понимал, зачем это нужно и как может помочь в будущем, а мать и вовсе считала, что настоящей женщине ни к чему привлекать к себе такое внимание. В любом случае, конкурс чтецов не шёл ни в какое сравнение с водительскими правами.

В первую её поездку они отправились вместе. Ранним июньским утром дороги были почти пустые. Конечно, отец подсказывал и по-водительски жал на несуществующий тормоз, сидя на пассажирском месте, но ни разу не повысил голос и не ругал её. Через час вернулись в гараж, отец сам поставил машину, и они отправились домой. Лизу распирало изнутри, она, как ребёнок, подпрыгивала и вертелась вокруг отца. Было ощущение, что она сейчас взлетит, достаточно руками посильнее взмахнуть.

У подъезда отец остановился, закурил и некоторое время молча смотрел на неё.

— Теперь тебе тренироваться надо. Желательно каждый день. Самой, без меня, — и, затувив бычок о решётку, рванул на себя дверь подъезда.

Лиза ничего тогда не ответила, но каждый раз, вспоминая этот разговор, ощущала себя ребёнком, которому подарили классную игрушку, а через некоторое время, когда он полюбил её, привык к ней, забрали. Разобраться в этих ощущениях она не могла, но желание водить машину куда-то делось. Отец ни разу её ни о чём не спросил. Она чувствовала, что разочаровала его, но заговорить с ним об этом не могла. Как говорить, если она не понимала, что случилось?

По просьбе матери она время от времени садилась за руль: везла её в магазин или на рынок, по каким-нибудь делам или в гости. Езда больше напрягала, чем радовала, ещё и мать вечно отвлекала её своими разговорами. Для себя одной Лиза выбирала метро или автобус, да и у матери всегда спрашивала, насколько необходима машина. Мать обижалась: «Ты же так хотела водить! А теперь тебе жалко меня отвезти?» Лиза не находила ответов на эти упрёки.

Но однажды всё прояснилось.

Отец позвонил домой из поликлиники, куда пошёл проверить зрение. Обычно сдержанный, он матерился и орал так, словно ему по ошибке ногу отрезали, и теперь ему придётся одной ногой нажимать на все педали. Лиза так за него испугалась, что, не выясняя никаких подробностей, кроме адреса, помчалась к нему. Оказалось, окулист закапал что-то отцу в глаза, и тот теперь ничего не видел. Лиза не носила очков и ничего не поняла, но догадалась позвонить Машке, очкарику с детства, и та объяснила: эти капли нужны, чтобы точнее определить зрение; они расширяют зрачок и отключают мышцу, ответственную за фокусировку, потому человек ничего и не видит, и лучше не передвигаться самостоятельно. Через несколько часов действие капель проходит.

Лиза пересказала всё отцу, они сели в машину — Лизе пришлось поддерживать его под руку, пока шли к стоянке, — и поехали домой. Его страх и гнев и её беспокойство постепенно развеивались, они уже могли посмеяться над ситуацией, отец нашёл в кармане рецепт очков, посетовал — вот уж чего никогда не думал, так это очки носить! Но придётся — безопасность важнее внешнего вида. Потом перешли к другим темам, болтали, смеялись, и Лиза с удовольствием вела машину.

И вдруг, стоя на особенно долгом светофоре, она сообразила. Отец! Вот в чём дело, вот почему ей не нравится ездить одной или с матерью, вот почему она так хотела водить, а теперь, получив права, больше не хочет. Она хотела водить, чтобы проводить время с отцом. Иначе побыть с ним не получалось.

Включился зелёный, ей уже сигналили сзади, а она, придавленная своим открытием, никак не могла сдвинуться с места.

Но после того случая Лиза расколдовалась, и вождение стало для неё обычным, рутинным занятием. Больше никогда она не испытывала такого подъёма и счастья за рулём, зато водить стала регулярно и спокойно. Историю своих отношений с машиной Лиза никому не рассказывала. Водительские права у неё, как у отца, всегда были с собой — в паспорте, во внутреннем кармашке сумки. Когда они с Васей съехались, и он узнал, что она водит, он вписал её в страховку своей машины, и она водила её. Время от времени, по необходимости.

—

Белая Kia Rio стояла на обычном месте — у противоположной от въезда на наземный этаж стены парковки. Лиза достала ключи из сумочки, повертела в руке, щёлкнула пультом сигнализации. Потянула за ручку водительской двери — мягко, осторожно. Села. Подстроила под себя сиденье и зеркало заднего вида, боковые зеркала. Ключ. Поворот. Стартер крутит. Мотор заговорил.

Лиза не раз видела в кино, как герой или героиня в минуту душевного расстройства садится в машину и едет, куда глаза глядят. Одних такая езда успокаивала, другим помогала найти решение жизненно важного вопроса. Лиза тоже хотела бы так — и найти решение, и успокоиться, и душевное расстройство у неё имелось. Вот только ехать куда-то без плана, без предварительного обдумывания маршрута и настройки навигатора она не умела. Слушая тарахтение мотора, Лиза прикидывала, куда бы отправиться, но ничего вдохновляющего не могла придумать. В ближайший парк? Летом они с Васей туда навещали, чтобы посидеть на лавочке у пруда и понаблюдать за утками, как те смешно ныряют попой вверх. Но зимой, там, наверное, неуютно. В Мегу? Да ну, сейчас каникулы, в ТЦ полно семей с детьми и шумно. В кино? Для этого машина не нужна, в кинотеатр они с Васей всегда пешком ходили.

Так ничего и не решив, Лиза выехала со стоянки и двинулась по ближайшей улице. Вот так же и героиня одного детектива, который она читала ещё в школе, должна была отогнать машину шефа к нему домой, а поехала куда-то совсем в другое место; Лиза так и не смогла найти внутри себя объяснение её поступку, думала, что она, Лиза, так никогда бы не сделала, а вот же, делает. Или это другое? Тем временем она свернула раз, ещё раз, и, перестав думать о книге, поняла, что едет в сторону МКАД. Ну что ж, ладно, по крайней мере, понятный маршрут. Не совсем «куда глаза глядят», но сойдёт.

Отец рассказывал, что когда-то МКАД имела всего две полосы в каждую сторону, но машин было мало, и о пробках никто не слышал. Верилось с трудом. Сейчас эти сто с хвостиком километров можно проехать за час, а можно тащиться полдня. А можно даже заночевать в машине, попав в мёртвую пробку, как один её коллега, или как другой, отдать все деньги, которые с собой, чтобы эвакуатор выдернул машину из пробки и перенёс на противоположную сторону.

Впрочем, ей некуда спешить, солнечная женщина Ольга привезёт Ульяну только к восьми.

Лиза влилась в транспортный поток и стала ждать, что мысли выстоятся по порядку, как первоклассники на уроке физкультуры, и решение придёт само. Но первоклассники больше любят носиться и кричать, вот и её мысли тоже не желали сами собой упорядочиваться, и к концу круга Лиза подъехала с тем же хаосом в голове и теми же вопросами, с которыми стартовала. Разве что ко всему добавился голод.

Она припарковалась у Макдоналдса, взяла большой пакет картошки фри, чизбургер и молочный коктейль, нашла местечко у окна с видом на МКАД, расположилась и начала есть. Странно, что они с Васей ни разу здесь не были.

Опять Вася! Она всё время его вспоминает, а ведь даже не любила его. По крайней мере, последний год точно нет. И всё время Вася, Вася, Вася... Он её бросил, между прочим. Пора уже забыть и не думать. Может, когда она расскажет родителям, то и начнёт забывать его?

Только вот... Зачем он свой чемодан у неё оставил, свою машину? Что это значит — что он собирается вернуться? Может, тогда пока ничего не рассказывать, чтобы меньше было вопросов? А откуда он вернётся? Теперь понятно, что не от Ирины. Тогда откуда? И где он? И зачем он сказал, что возвращается к бывшей жене?

Ну всё, всё, хватит. Срочно прекратить думать о нём!

Три года вместе. Всюду вместе ходили, ездили. «Мы с Васей», — говорила она подругам, коллегам, родителям. Больше нет их с Васей, нужно снова говорить «я», просто «я».

Лиза подавилась, закашлялась — тяжело, никак не остановиться. Испугалась, что её сейчас вырвет, а вокруг люди. До туалета добежать не успеет. Все увидят. Нет-нет-нет! Лиза встала из-за стола, выпрямила спину, уставилась в воображаемую точку за окном. Сделала глубокий вдох, выдох, повторила ещё раз. Покашляла снова и снова подышала. И снова.

Постепенно дыхание восстановилось. Лиза отвела взгляд от окна, села. Сняла крышечку со стакана с коктейлем, сделала небольшой аккуратный глоток. Мороженое растаяло, и напиток стал именно таким, какой Лиза любила, но привычное удовольствие её не охватывало. Саднило надорванное горло, и отчего-то хотелось плакать. Лиза быстро выбросила остатки еды в мусорный контейнер и вернулась в машину.

—

Ульяну, довольную и уставшую, Ольга привезла ровно в восемь и передала с ней Лизе половину пирога с капустой собственного приготовления и несколько безешек, испечённых её

дочерью Катей. Ни есть, ни разговаривать Лизе не хотелось, всё ещё саднило горло, но Ульяна и не требовала внимания, залезла с ногами в кресло и погрузилась в планшет.

Около девяти вечера в дверь позвонили.

— Кто там? — Теперь, когда она жила одна, да ещё и с ребёнком, Лиза не считала лишним этот вопрос.

— На похороны собираем, — раздалось из-за двери.

Ещё и это! Но не открыть теперь нельзя, подумают, что ей жалко денег на такое дело.

На лестничной клетке стояли две женщины, по виду соседки.

— На похороны собираем, — спокойно повторила одна, худая и с тонкими, аккуратно подобранными губами.

Лиза уже достала из сумки кошелёк и теперь искала в нём сторублёвку. Кто умер, неважно, она тут всё равно никого не знает. Но женщина продолжала:

— Люся умерла, с шестого этажа. Вы её, наверное, не знали. Прямо под вами жила.

— И до сорока не дожила, бедная! — подхватила вторая женщина, полная и круглолицая, в пальто, надетом прямо на домашний халат. Она явно была не против поговорить.

— У неё ведь сердце. Скорая приехала, вошли в квартиру — она им и дверь открыла заранее, — а она уж всё. Не успели. Вот ведь... Бедная! Словно и не жила вовсе.

Лиза молча протянула две купюры, и женщины, поблагодарив, стали спускаться на следующий этаж. Лиза уже слышала их голоса на нижней площадке, но продолжала стоять в дверном проёме.

Из комнаты в коридор вышла Ульяна.

— Кто приходил?

— На похороны собирали. Ты иди, ложись. Пора уже.

— А ты?

— Я тоже сейчас лягу. Умоюсь и лягу.

Но заснуть не получалось. Сначала Лиза думала, что легла слишком рано, поэтому и сон не идёт. Но прошёл час, и следующий, и ещё сколько-то, а Лиза ни на минуту не провалилась в забытё. В конце концов она встала, прошла на кухню, тихонечко закрыла за собой дверь и, не зажигая свет, села за стол и уставилась в законное пространство. Там медленно шёл снег.

Люсю она знала. Однажды, вскоре после того, как они с Васей здесь поселились, Люся позвонила в их квартиру — заплаканная, дрожащая, она умоляла помочь ей открыть дверь. Она захлёбывалась словами и слезами, объясняя, что позвонила уже во все соседние квартиры, но никто не открыл. Лизе не хотелось вникать в её истерику, она уже подумывала без лишних слов захлопнуть дверь, но Вася принял Люсю близко к сердцу: тут же пошёл с ней и Лизу потащил. У Люси ключ застрял в замке: не вынимался и не крутился, и она не могла попасть в квартиру. На коврике у двери валялась болоньевая хозяйственная сумка, из которой наполовину высыпались яблоки, рядом лежал смятый пакет молока: Люся пришла из магазина и не смогла справиться с замком. Вася решил проблему даже без инструмента, приложив только силу, а пока Люся благодарила его на все лады, растирая слёзы по покрасневшему лицу, он, не переставая шутить, ловко собрал в сумку её покупки и занёс в квартиру.

Оказалось, Васе о соседке с шестого этажа рассказала хозяйка квартиры. Люся была поздним ребёнком, единственным и не совсем здоровым — с пороком сердца и задержкой развития. Родители умерли, и она осталась одна, жила на пенсию по инвалидности и копеечные подработки, которые давало общество инвалидов. После того случая Люся иногда заходила к ним, просила помочь разобраться в квитанциях, купить что-то в аптеке, и Вася никогда не отказывал. Лиза очень отчётливо помнила её полноватую, бесформенную фигуру, детские ручки с короткими нежными пальчиками, глуповатую, но такую искреннюю улыбку. И всегда смотрела на соседку снисходительно.

И до сорока не дожила.

Лиза подошла к окну. Густой, пушистый снег падал и падал.

Словно и не жила вовсе.

Стоп, стоп, она-то ведь не Люся. Ей и до сорока ещё далеко, и вообще...

А что вообще?

Ну, хотя бы то, что она не инвалид. Она себя отлично чувствует. Она неплохо выглядит. Она всё ещё успеет — выйти замуж, родить детей, что там ещё... Да её жизнь, можно сказать, только началась!

Снег падал и падал. Лиза стояла у окна и наблюдала за снегопадом, словно не имея сил отойти и не имея сил перестать думать о Люсе, о сорока годах, о том, что в её жизни точно так же ничего нет, как не было у Люси. Словно и не жила вовсе. И не живёт. А что, если так ничего и не будет? Что, если и через год, и через пять лет она вот так же будет смотреть на этот снег? Может, квартиру сменит. Что, если она так и не встретит подходящего мужчину, и ей придётся жить одной до старости, до смерти? Что тогда? В голове застучали молоточки, их звук оглушал. Лизу опять, как днём, затошнило, перестало хватать воздуха. Она распахнула окно и высунулась, насколько могла, на улицу. Глубоко вздохнула раз, другой. Втянула себя обратно в кухню, сползла по стене на пол, упёрлась лбом в колени. Не думать, не думать, не думать об этом! Она мотала головой, отгоняя невыносимые мысли, как надоедливых голубей, что садятся на подоконник, но образ одинокой жизни не рассеивался.

В конце концов Лизе стало холодно. Она подняла голову от колен и обнаружила, что окно до сих пор открыто. Встала, закрыла окно и, не зажигая свет, щёлкнула кнопкой чайника. Подождала. Налила в чашку заварку, потом кипяток. Села за стол, обняв чашку обеими ладонями. Все слёзы вылились. Хорошо, что её никто не видит, лицо сейчас, наверное, пунцовое, глаза тоже. И почему она раньше думала, что горько плакать — это фигура речи, которую используют только в сказках?

Глоток чая. Горячий! Лучше подождать, иначе можно обжечь всё внутри.

Ни подруги, ни родители не знали, потому что рассказывать об этом Лиза стыдилась, какое отчаяние однажды на неё накатило. Ничто тогда не предвещало беды. В четверг вечером Лиза собиралась ложиться спать, предвкушая завтрашнюю приятную встречу с подругой и прогулку по центру Москвы, украшенному к новому году. Пошла напоследок в душ, и там на неё вдруг нахлынуло: что, если она так и останется одна на всю жизнь? Ей уже 32. Уже

несколько месяцев никаких свиданий и даже никаких переписок, и знакомиться к ней давно не подходили. Может, это всё, конец? Может, она исчерпала свои шансы? Эта мысль её тогда придавила. Лиза согнулась под струями воды, потом присела, а потом и вовсе легла, свернувшись в клубок, на дно ванной. Вода из душа была ей в бедро, шампунь с волос стекал в глаза, а Лиза, замерев, лежала на твёрдой белой поверхности — лежала до тех пор, пока из оцепенения её не вывел голос матери из-за двери: «Лиза, ты что, уснула там?»

Ответив матери, что всё в порядке, и быстренько domывшись, Лиза закрылась в своей комнате, включила ноутбук и провела полночи, регистрируясь на всех сайтах знакомств, о которых говорили девочки на работе, и разбираясь, как там всё устроено. Да, она считала, что мужчина должен появиться сам: подойти к ней на улице или в кафе, или быть новым сотрудником у неё на работе, или знакомым её друзей — иными словами, всё должно происходить естественно. Но она так долго ждала! Где гарантия, что она дождётся?

Лиза не ответила ни на одно сообщение на этих сайтах и ни с кем не встретилась: на следующий день, в пятницу, в метро к ней подошёл Вася, и три года она провела с ним.

Лиза использовала всегда один и тот же пароль — собственный день рождения, поэтому теперь без труда восстановила аккаунты. Информацию о себе нужно было исправить, дополнить, выложить новые фотографии. И снова, как три года назад, Лиза почти до утра паялилась в ноутбук: заполняла профили на сайтах, тасовала туда-сюда фотографии, выбирая те, на которых выглядит стройнее, и прикидывая, сколько фотографий достаточно. В голове крутилась карусель из мыслей, и Лиза поймала одну, очень чёткую: может, всё это не понадобится? Вдруг, как три года назад, подходящий мужчина материализуется сам собой?

—

На следующий день после ужина Ульяна предложила:

— Давай погадаем!

— Честно говоря, я не очень ориентируюсь в этой теме.

— В смысле, не умеешь гадать?

— Да. Не умею.

— Я тоже. Мы в интернете посмотрим.

Лиза не верила в гадания и во всё то, чего нельзя было потрогать руками. Правда, это не мешало ей иногда ходить в церковь. Для Бога она делала исключение. С другой стороны, в детстве она с подругами тоже гадала и вызывала духа. Это было и страшно, и весело, и хотелось верить, особенно если выходило что-то желаемое. Или кто-то. Ульяна ведь тоже ребёнок.

— А на что ты хочешь погадать? Что узнать? — наконец Лиза нашла, что сказать.

— Нуууу... Будущее, — протянула Ульяна неопределённо.

— Ладно, давай попробуем.

Из собственного детства Лиза помнила свечу, зеркало, бумажки с именами мальчиков, которые клали под подушку, но ничего конкретного о правилах. Поэтому пришлось воспользоваться интернетом. Поначалу казалось, что способов гадания сотни, но, вчитавшись, Лиза и Ульяна убедились, что выполнить многое не представляется возможным: слушать под окнами соседей их разговоры, бросать через спину сапожок и ждать, кто его подберёт, вешать за окно ключи и щётку и смотреть, кто до них дотронется — на седьмом-то этаже. Все эти способы позволяли узнать имя будущего жениха.

В итоге выбрали гадание с рюмками и гадание со свечой и водой.

Расположились на кухне, выключили свет и зажгли несколько свечей — разномастных, сувенирных, подаренных Лизе в разное время; они давно пылились без дела. Взяли шесть хозяйских рюмок, разложили по ним монетку, кольцо, кусочек хлеба, конфету вместо сахара, зажигалку вместо спичек и соль. Нужно было по очереди закрывать глаза и выбирать одну из рюмок.

Лизе досталась монетка — к деньгам. Она скептически хмыкнула: зарплату не повышали уже года три. С Ульяной всё было ещё менее реалистично: она вытянула рюмку с зажигалкой, что означало рождение ребёнка.

— Ерунда какая-то, — проворчала она.

— Хочешь, ещё раз попробуем?

— Нет, давай теперь со свечой.

Они немного подождали, пока вокруг фитилей соберётся расплавленный воск, и вылили его, каждая в своё блюдце с водой. Лиза сделала это резко, и то, что у неё получилось, было больше всего похоже на толстый блин. Ульяна же выливала воск постепенно, и у неё получилось нечто затейливое. Повертев блюдце туда-сюда, Ульяна сказала:

— Это собака!

Чтобы увидеть в застывшей на воде восковой фигуре какой-то предмет, требовалось очень много фантазии. Лиза никак не видела собаку, и тогда Ульяна начала объяснять ей:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.